

4. См.: Данилов А.Н. Системная трансформация в общем процессе глобализации // Социология. 1998. №1.
5. Бирюкова М.А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур // Философские науки. 2001. №1.
6. Карпова И.Н. Социальное государство в эпоху глобализации // Гражданин и право. 2006. №11.
7. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Международный институт П. Сорокина – Н. Кондратьева. М.: Экономика, 2001.
8. Лукашук И.И. Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4.
9. Левашов В.К. Общество и глобализация // Социологические исследования. 2005. №4.
10. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. №1.

A MODERN PERSON FACING THE CHALLENGES OF GLOBALIZATION

*N.N. Ponarina, PhD in Pedagogics, Associated
Professor of the Department of Social Work of the
Armavir affiliated branch of the Social Institution
(affiliated centre) of Russian State Social University*

The article analyses the processes taking place in a society. The informatization of the society has been analyzed. The impact of globalization on a modern person has been revealed.

Key words: globalization, informatization, individuality, anthropomorphize, personality, social transformation, self-determination, development of world society.

УДК 008.001

АГОНАЛЬНОСТЬ КАК СТРЕМЛЕНИЕ БЫТИЯ БЫТЬ

*А.В. Яровой, кандидат социологических наук, доцент
Азово-Черноморской государственной агроинженерной академии*

В статье раскрывается содержание понятий «агональность», «агон», «оружность». Предлагается в агональности видеть устремленность бытия к собственному самоутверждению, которое проявляется в столкновении сил, в актуализации оружности бытия, которое потенциально заключено в телесности. Выявляются четыре онтологические причины агональности.

Ключевые слова: агон, агональность, самоутверждение, бытие, оружность, складка, схватка.

Вопросы, связанные с агонистикой, обычно рассматриваются применительно к античной культуре в различных культурологических или философских дискурсах. В последнее время наблюдается расширение поля интерпретаций агонистики на сферы экономики и политики относительно современной европейской цивилизации.

В данной статье, опираясь на субстанциональное рассмотрение сущности явления, попытаемся выяснить сущность агональности как стремления бытия к собственному утверждению.

Начнем с вопроса о сущности того, что мы называем агонем. Сущность агона не то же самое, что агон в своей эмпирии. Агон – это схватка и дух схватки, это и средства схватки, как таковые, ведь, несмотря на то, что орудием агональной деятельности может быть любой предмет, все же есть такие вещи, которые созданы только для агона и без которых агон немислим. Агон предполагает такое событие, которое есть выражение агональности, свойства бытия проявлять себя в устремленности к собственному благу. Это стремление есть проявленная сила, а значит, и схватка сил, ведь сила не может проявиться сама по себе без противодействия ей другой силы. Концентрация человеческого бытия в силе, для собственной идентичности, для бытийствования в окружающем и противостоящем ему мире требует мобилизации всех жизненных и духовных сил, подобное устремление можно обозначить как агональность.

Целесообразно говорить об агональности как об основополагающем принципе, который организует внутреннюю подвижность в строении сущего. Через агон проявляется сила как фундаментальная категория всего сущего, причем это ее проявление связано с социальной материей, так как в Природе сила есть способность к существованию. По мысли Х. Хофмайстера, «когда мы говорим, что сущее в целом есть движение, возникновение и исчезновение, то тем самым мы утверждаем, что сущее – это сила и проявление силы. Понятие силы

предполагает, таким образом, не только движение, которое осуществляется в чем-то сущем, но и то, что любая вещь, живая или неживая, поскольку она вообще есть, уже есть движение. Все, что есть, есть проявляющая себя сила. Все, что есть, есть единство, единое, которое движется и ширится во множестве своих качеств» [1, с. 37].

Если сущее предстает перед нами как контригра сил, то сущность сущего постигается нами как всеобщая борьба, «отец всего и царь всех». Это означает, что сущее всегда удерживается в движении благодаря соответствующему ему антиподу. Таким образом, сила может реализовать свое бытие только в противостоянии сил. Но это противостояние нельзя назвать агонем. Это лишь всеобщая универсалия ведущая к нему, даже определяющее его существование (без силы нет борьбы). Агон возможен тогда, когда сталкиваются две действующие силы, когда сила претерпевающая отсутствует. Действительно, силы, участвующие в агоне, должны быть активны и действительны, пассивность возможна как тактический ход, но в дальнейшем она устремляется к ниспровержению противника. Может создаться впечатление, что речь идет о спортивной борьбе, но состязаться можно в музыке, поэзии, изобразительном искусстве, в искусстве спора, демонстрации театрального искусства. То есть состязаться в искусстве, в умении владеть тем или иным предметом, в праве обладания предметом, в возможности быть первым.

Для человека проявление силы есть не просто демонстрация физической мощи, но и реализация его свободы, свободы как проявления воли. Физическая мощь подчеркивает антропологический характер силы как проявления живой, находящейся в непрерывном изменении материи. Стремление к росту, расширению, в различных направлениях и на различных уровнях делает эту материю жизнеспособной. Человек, ощущая ее движение (так как сам есть живое существо), канализирует силу в нужном ему направле-

нии. Эта канализация, т. е. создание некоего механизма для управления (и стяжения, и приумножения) силы, является собой особого рода искусство. А поскольку проявления силы разнообразны и охватывают не только человека как субъекта, но и целые коллективы людей, то и искусства эти разнообразны.

Агон буквально пронизывает разные пласты человеческого бытия. По мнению Аристотеля, «сила как способность необходима, чтобы вообще иметь возможность быть деятельным, и в особенности если желаешь поступать добродетельно. Возможно то, что бывает благодаря нам» [2, III 111 2b27]. Аристотель разъясняет, что взаимоотношение и противоположность производимых человеком сил обретаются не где-нибудь, а в нем самом и равнозначны его свободе. Всякое искусство только тогда становится таковым, когда требует от человека выработки определенного принципа на пределе его возможностей, закрепления его в каноне и межпоколенной передачи. Отсюда проистекает необходимость канона, образца, отражающего механизм канализации силы как реализации воли и человеческой свободы.

Агон нацелен на достижение победы, в этом целевая причина действенной силы, как следствие этой победы выступает доблесть, центрирующая этос культуры, отражающаяся в коллективной памяти. Доблесть – это ценностная установка, сопровождаемая всем комплексом сопутствующих ей составляющих (от образцов поведения до технологий владения средствами достижения), она четко отражает смыслы и значения, которые в процессе агона стали общезначимыми ценностями. Противоречия возникают по поводу ценностей и, разрешаясь в результате агона, утверждаются в качестве основ общественной идентичности. Отказ индивида от ценностей равносителен отказу их защищать, отстаивать, а значит, и демонстрировать жизнеспособность. Единство и целостность социума, человека и духа не выражаются агональностью, а достигаются в результате агона, так как единство, которое несет агон, заключено

в той системе ценностей, которую отстаивает социум и человек.

Игра есть превращенная агональность, в ней сила вступает в схватку с условным противником, сопровождаемого азартом, сноровкой, смелостью, которые способствуют восприятию неигровой ситуации как игровой и наоборот. Что же роднит агон и игру? Пожалуй, то психофизическое состояние, которое испытывает человек в процессе агона и игры и которое можно, используя термин М. Элиаде, назвать сакральной одержимостью. И если агон полностью демонстрирует нам это состояние, то игра лишь подводит субъекта действия к нему.

Для того чтобы понять сущность агональности целого, попробуем рассмотреть сущность части целого. Сущностью вещи называется то, что она есть. В качестве предмета для анализа возьмем оружие, понимаемое как средство агональной деятельности. Итак, что есть оружие? То ли это средство для достижения цели, т. е. победы в агоне (а оружием может быть и само тело человека), то ли оружие само есть продукт человеческой деятельности, а манипуляция с ним (агонистика) предполагает определенное искусство, которое также выступает человеческой деятельностью.

Но как только мы ставим вопрос об оружии, возникает мысль, что используется оно для борьбы с другим человеком или хищным животным, или бестелесным духом, которые классифицируются как враги. Естественно, что для борьбы с животными используется оружие иного типа, нежели для борьбы с человеком, хотя в прошлом они были малоразличимы.

Победа, которую приносит оружие в борьбе с врагом, ставит вопрос и о преодолении страха за свою жизнь, и страха перед врагом, и перед тем «танцем смерти», который откроется после схватки. Чтобы из онтологии не обратиться в область этики, заметим, что преодоление экзистенциального страха возможно в состоянии аффекта или рационально.

М. Хайдеггер в «Вопросе о технике» полагал, что верное инструменталь-

ное определение техники «еще не раскрывает нам её сущности. Чтобы добраться до неё или хотя бы приблизиться к ней, мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинное. Мы должны спросить: что такое сама по себе инструментальность? К чему относятся такие вещи, как средство и цель? Средство есть нечто такое, действием чего обеспечивается и тем самым достигается результат. То, что имеет своим последствием действие, называют причиной... Цель, в стремлении к которой выбирают вид средства, тоже играет роль причины» [3, с. 222].

Пойдем по следам Хайдеггера и выделим четыре вида вины (причинности) для оружия.

Первая, *causa materialis*, является тем, что служит виной появления оружия – сталь, металл, сплавы, из которых делается холодное и огнестрельное оружие, но наличие металлов не ведет к появлению его, хотя может служить важным залогом, как и дерево. Материал, служащий для осуществления, являющийся залогом осуществления, возможно, своими свойствами подсказавший или предвосхитивший форму оружия, как игла, острый обломок дерева, рог животного. Материал оружия кажется известным, если не брать во внимание тот факт, что изначально и всегда во главе оружия стоит наша телесность. Тело может быть одушевленным оружием само по себе, и предмет, наделенный свойствами оружия вне телесности является лишь предметом для агона и ничем более, «предметом в агоне» его может сделать только наше тело.

Через материю проступает форма, но она же есть и *causa formalis*, как форма, образ, какую принимает этот материал. Эта форма выражает способность материала к уколу, резке, рубке, и в то же время форма преследует цель, которая достигается победой над врагом, цель не в защите, а в нанесении вреда, поэтому оружие способно только нести смерть, и чем скорее она наступает, тем лучше его качества. Известно, что форма человеческого тела далека от формы оружия, ни зубы, ни когти, ни кулаки человека не

могут в полной мере соответствовать стандарту оружия или его форме. Телесность отстает от формы идеального оружия, и тем не менее именно телесность задает форму оружию, которое выступает его продолжением.

Causa finalis как цель, которой определяется форма и материал, связана с преодолением силы сопротивляющейся или наступающей, силы, противоположной нашему устремлению. Итогом такого противоборства сил является победа как преодоление, как цель формы и материала, как результат акта, совершаемого оружием.

Наконец, здесь возникает четвертый вид вины – *causa efficiens*, создатель оружия, чья задача заключается в том, чтобы разобраться в трех названных видах причины и тем самым самому выступить в качестве вины или причины, создающей своим действием результат. По М. Хайдеггеру, собирание всех причин воедино, разборчивое собирание погречески значит *λεγεῖν, λογος*. Логос ориентируется *επινοεῖν*, выявляющем о нарушении [3, с. 223]. Дальше мы обнаруживаем только применение оружия.

М. Хайдеггер задается вопросом: «А что если существо причинности тоже окутано мраком? Правда, вот уже сколько веков философы ведут себя так, словно учение о четырех причинах свалилось с неба в виде самоочевиднейшей истины» [3, с. 222]. Хайдеггер, отвечая на этот вопрос, обращает внимание на то, что эти четыре причины дают чему-то еще не явленному прийти к присутствию. Тем самым ими в равной мере правит то приведение, которым приводится к явленности существующее... Виды повода, четыре причины... играют свои взаимосвязанные роли внутри события произведения. Благодаря этому событию как выросшее по природе, так и изготовленное руками ремесленника и художника выступает, всякий раз по-своему, в своей явленности» [3, с. 224].

Существующее, прежде чем раскрыться в своей явленности, должно пребывать в видах повода, причем пребывание это обладает своеобразной рекурсив-

ностью. Что есть каузальность без осознающей каузальность мысли? Мысли, понимаемой как некая изначальная интуиция, в которой и происходит пребывание существующего. Здесь еще нет смысла, который может обнаружиться только как осмысление той первичной интуиции, образовавшейся на границе социального и природного. И уже тогда возникает существо причинности, как миф или как философия. Но это все инструментарий, ведущий к открытости потаенного, к ἀλήθεια.

Оружие, представленное своей оружностью, является той первичной интуицией, когда дерево, камень, металл выражают свойство наносить вред врагу. Это свойство оформляется в вещь. Но у вещи нет врага. Поэтому не ремесленник сделал меч, а тот, кто использовал особые свойства форм приносить победу. Тот, чье тело являлось одушевленным оружием, для которого предмет-оружие есть лишь продолжение его телесности. У истоков первичной интуиции стоял воин.

Борьба с врагом изначальна по отношению к продуманным средствам борьбы. Но возникает вопрос: не есть ли осознание другого как врага некоей открытостью потаенного? Враг, ворог, вор – слова ставящие преграду для понимания, но в то же время отмечающие границу, за которой ясность и верность выбора. Враг есть чужой, несущий недоверие и опасность, и вместе с тем это крайняя степень отчуждения, с врагом возможна только схватка. Но как возможен сам враг? Он возможен если есть не-враг, не-чужой, свой, тот, с кем совместное существование желательно и необходимо. Совместность – это не антипод враждебности, это то, что её порождает, и в то же время в процессе агональной борьбы враждебность снимается, образуется совместность, происходит возвращение к истоку. Как подобное возможно? Когда чужой до схватки с ним, в нашем представлении – «злой демон», вдруг превращается в того, у кого есть кровь, такого же цвета, как и у меня, и вот уже он – брат, без которого нельзя ни жить, ни умереть.

В этом «жить» и в этом «умереть» находятся два полюса агона. Витальная сила, проявляющая себя в противоборстве, питающая Эрос как стремление к бессмертию и привлекающая Танатос как завершение телесности, сосредоточена в оружности, где тело, дух, предметность объединяются в единое целое, квинтэссенцию агона.

Стремление к бытию невозможно без того, чтобы не продолжаться и не расширяться, не продолжаться в длительности и не расширяться в пространстве. Пространство и время – естественные преграды на пути жизни, но первое требует экспансии, а второе трансляции собственного бытия в потомстве. Так обозначают себя два стремления, две силы: первая полна агрессивности, а вторая несет в себе Эрос. Агрессивность канализируется Эросом, сила выраженная в буйстве и разгуле хаотических порывов, вдруг обретает направление, она схватывается в рамки ритуала, подчиняется внутреннему закону самосохранения, некоторому правилу, которое агрессивность превращает в агональность. Оружие как средство достижения победы обретает черты регулятора и координатора агона, от которого зависит сам способ самоутверждения.

Агонистикой проявляется оружность – наличие и готовность телесного присутствовать в качестве оружия (как оружия). Наличие и готовность, по М. Хайдеггеру (υποκεισθαι – предположение подлежащего), характеризуют присутствие чего-либо присутствующего [3, с. 224]. Четыре вида вины позволяют вещи явиться. Благодаря им вещь оказывается присутствующей. Они выпускают её из несуществования и тем самым ведут к полноте её явления. Все виды вины имеют своей основной чертой это выпускающее выведение к явленности. В смысле такого выведения вина есть «повод», «по-вод», понимаемый как сущность причинности. Как то, что «вызывает переход из небытия в бытие – т.е. творчество» [4]. Платон из этого выводит, что «создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать твор-

чеством, а всех создателей – творцами». В самом событии творчества, произведения, четыре причины взаимосвязаны. Агонистика выступает тем событием, через которое агон в виде оружности являет себя в бытие, или не-потаенности.

Не-потаенность бытия проявляется в виде складки, возникшей вследствие актуализации силы, которая суть схватка сил. Агон как схватка сил предстает как обнажение складки, в момент её вздыбливания (поднятия – опускания), пульсации. В этом обнажении видится сущность всего сущего, так как в то же сингулярности, в точке обнажения происходит пересечение эмпирического, экзистенциального, семиотического аспектов единого бытия, фоном для этого пересечения выступает поле коммуникации. Коммуникация и взаимодействие различного, бытийствующего между собой, образует ту первичную тему, вокруг которой строится здание агональной культуры. В определенном смысле коммуникация выступает определенным типом наблюдения мира, своими различиями реагируя на различия во внешнем мире. В этом состоит наблюдение. Тем самым актуализируется различие между системой и её внешним миром. Первотема и тематизация различия создают референциальные рамки, рамки, маркирующие границы порядка и хаоса, своего и чужого, добра и зла. Ситуация многоскладчатости создает изменчивость в аксиологическом ракурсе, но только для внешнего наблюдателя (читателя-интерпретатора), просто читатель – участник текста не ставит вопросов, так как для него «гладкой» поверхности не существует. Поле агональности и островки агональности позволяют ему концентрироваться и самоидентифицироваться, или лучше сказать, прорасти в системе ценностей своего мира. Итак, агон как схватка сил обнажает складку бытия.

Сталкивающиеся силы образуют порядок как результат схватки сил, одер-

жавших победу и потому повелевающих, и сил, потерпевших поражение и потому претерпевающих. Агон в этом случае является механизмом установления предела агрессивности и в то же время служит выработкой образца, влекущего за собой победу. Противоречивость множественности бытия не преодолевается в результате агона, а закрепляет на время определенный порядок господства, выраженный физически или морально. Порядок – это всегда иерархия, но расположение сил не может состояться вне пространства. Пространство здесь служит тем основанием, на котором протекает агон. Пространство при этом уже не является неким вместилищем сущего, оно в результате агона, принимает свойство того, что можно называть почвой, месторазвитием, кормящим ландшафтом, территорией, являющейся частью бытия, в какой-то мере мистической основой бытия. Мистическое здесь следует понимать не столько как сверхъестественное, а как связь бытия и пространства, его окружающего, пространства своего, уже обжитого, упорядоченного, требующего труда и заботы, но уже завоеванного и покоренного. Столкновения сил оставляют зарубки в пространстве. Складчатость бытия оставляет следы своей пульсации в пространстве, которые сохраняются не только в ландшафте природы или в культурно преобразованном мире, но и на теле человека в виде ран и памяти пережитой славы и боли. Зарубки означивают пространство, придают знакам значение символов и уже пространство читается как особый текст памяти.

Таким образом, агональность высвобождает потенциально существующую оружность телесности в стремление к самоутверждению человеческого бытия. Высвобождение сопровождается становлением искусства агональности (агонистики) и образованием пространства памяти, которое служит центром идентичности для человека и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хофмайстер Х. Воля к войне или бессилие политики. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2006.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2010.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
4. Платон. Пир // Платон. Диалоги. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

AGONALITY AS STRIVING OF ENTITY TO BE

A.V. Yarovoy, PhD in Sociology, Associate Professor of Azov and the Black Sea State Academy of Agricultural Engineering

The article reveals the essence of the notions “agonality”, “agon”, oruzhnost. It is proposed to see in the agonality the striving of entity to its own self-assertion, which is manifested in the clash of forces, in updating oruzhnost of entity, which potentially lies in corporality. Four ontological reasons of agonality have been identified.

Keywords: agon, agonality, assertiveness, entity, oruzhnost, fold, struggle.

УДК 070(479)

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА

А.О. Джибиллов, кандидат политических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета

В статье анализируется партийный состав законодательных органов власти Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, характеризуется расстановка политических сил в регионах Юга России по состоянию на 2010 г.

Ключевые слова: партийно-политический дизайн; законодательные органы власти; электорат; ЮФО; СКФО.

Геополитические и информационные процессы, характерные для международных отношений, оказывают сильное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государств Закавказья,

определяют формат отношений между ними. Современные масс-медиа Закавказья не только отражают весь спектр политических, социально-экономических и культурных процессов и трансформа-